

Майк Гелприн

Трасса



Майк Гелприн
Трасса

«Демина Людмила Дмитриевна»

2008

Гелприн М.

Трасса / М. Гелприн — «Демина Людмила Дмитриевна», 2008

«Муфлон увидел эту девушку в вагоне пригородной электрички и мгновенно возбудился. Он получал особое удовольствие именно от таких девушек и умел выделять их из толпы с первого взгляда. Эта была тоненькой, почти миниатюрной и очень хорошенькой. Но главное заключалось не в этом: внешность Муфлона мало интересовала, а между ног у всех одно и то же, он-то навидался девичьих вагин вдоволь. Главное было в выражении чистого и нежного, почти детского лица, на котором гармонично сочетались благородство, доброжелательность и доверчивость. „Одухотворённое лицо“, – говорили люди, с улыбкой глядя на то, что неискушённый в подобных вещах Муфлон про себя презрительно называл лицелкой. И момент, когда нахлынувший ужас сгонял с „лицелки“ благородство и одухотворённость, превращая её в жуткую уродливую маску обезумевшего от страха неминуемой смерти, обречённого существа, приводил Муфлона в полнейший восторг...»

© Гелприн М., 2008

© Демина Людмила Дмитриевна, 2008

Содержание

1. Попутчик	5
2. Старт	7
3. Разгон	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Майк Гелприн

Трасса

1. Попутчик

Муфлон увидел эту девушку в вагоне пригородной электрички и мгновенно возбуждился. Он получал особое удовольствие именно от таких девушек и умел выделять их из толпы с первого взгляда. Эта была тоненькой, почти миниатюрной и очень хорошенькой. Но главное заключалось не в этом: внешность Муфлона мало интересовала, а между ног у всех одно и то же, он-то навидался девичьих вагин вдоволь. Главное было в выражении чистого и нежного, почти детского лица, на котором гармонично сочетались благородство, доброжелательность и доверчивость. «Одухотворённое лицо», – говорили люди, с улыбкой глядя на то, что неискушённый в подобных вещах Муфлон про себя презрительно называл лицелкой. И момент, когда нахлынувший ужас сгонял с «лицелки» благородство и одухотворённость, превращая её в жуткую уродливую маску обезумевшего от страха неминуемой смерти, обречённого существа, приводил Муфлона в полнейший восторг.

Именно ради таких моментов Муфлон и жил. Воспоминания о них питали его несколько недель, а то и месяцев после смерти очередной жертвы. Первые три-четыре дня эти воспоминания приводили к возбуждению, и Муфлон достигал оргазма, даже не помогая себе руками. Потом яркость ощущений снижалась. Он начинал забывать, как именно всё было. Как заходила хрипом избитая, изрезанная ножом окровавленная девушка. Как он, проламывая преграду между распахнутыми, разорванными в стороны тонюсенькими девичьими ножками, вторгался вовнутрь, одновременно сдавливая горло на хрупкой податливой шейке распяленной пятернёй. И как жизнь покидала жертву, а он изливался в неё, рыча, сквернословя и выбрасывая один за другим сгустки семени до тех пор, пока лицелка не превращалась в застывшую посмертную маску.

Когда же воспоминания, наконец, теряли остроту, и даже перечитывание дневника, который Муфлон скрупулёзно вёл, переставало помогать, он выходил на поиски новой жертвы.

Девушка сошла с электрички в Репино, и Муфлон спрыгнул на платформу вслед за ней. Кончался август, и, несмотря на уже наступившие вечерние сумерки, было достаточно тепло. Большинство пассажиров спешило по перрону к зданию станции и, пройдя сквозь него, попадало на большую и хорошо освещённую привокзальную площадь. Меньшинство же, миновав здание, спускалось с платформы на ведущую в восточную часть посёлка асфальтированную дорожку. Девушка оказалась среди меньшей группы, и это обстоятельство Муфлона устраивало. Держась на приличном расстоянии и не упуская девушку из виду, он двигался за ней следом.

Посёлка Муфлон не знал, в Репино он был впервые, но это его не обескураживало. Он привык адаптироваться к обстоятельствам и надеялся на удачу и острое, едва не звериное, чутьё. Ни то, ни другое до сих пор его никогда не подводило. На счету Муфлона было уже больше дюжины жертв. Он знал, что находится в розыске, но был уверен, что пока не оставил за собой следов и улик, достаточных для идентификации.

Девушка быстро шла по обочине тянувшейся вдоль путей длинной улицы. Теперь в том же направлении вместе с ней двигалось всего несколько человек, и Муфлон, обогнав последнего из них, приблизился. Он надвинул на глаза козырёк спортивной кепки и шёл

теперь в двадцати шагах от будущей жертвы, следя за её причудливо меняющейся в тусклом свете придорожных фонарей тенью.

Спустя пару минут девушка свернула на уходящую вглубь посёлка грунтовку, и Муфлон скользнул вслед. «Финляндская улица», – прочитал он надпись на табличке дорожного указателя. По Финляндской они прошли с сотню метров, Муфлон уже дрожал от едва сдерживаемого нетерпения. Все его чувства до предела обострились, он воображал себя охотником, загнавшим дичь и теперь настаигающим её. Сейчас девушка неминуемо зайдёт в какой-нибудь дом, и, если окажется в нём одна, то Муфлон не заставит себя ждать. Если же в доме будут люди, то придётся вернуться сюда завтра, и тогда всё произойдёт в лесу, вон он чернеет в паре сотен метров отсюда.

Внезапно Муфлон резко остановился и беззвучно выругался с досады. Хлопнула калитка тянущегося вдоль улицы забора, и из неё на дорогу вышел парень. Он зажёл карманный фонарь, луч осветил девушку. Парень заговорил с ней – было слышно, как он поздоровался. Муфлон спрыгнул в придорожный кювет, бесшумно ступая, прошёл по нему десяток шагов и, жадно вслушиваясь, замер на месте.

2. Старт

Я знал Катю Соболеву с детства. Мама, пока была жива, мечтала, чтобы мы поженились, ей очень нравилась Катя. Она всем нравилась, потому что действительно была чудной девочкой. Приветливой, очень доброжелательной и донельзя деликатной. Мама говорила, что когда Катя улыбается, её глаза становятся бархатистыми, и ощущение от её улыбки, будто тебе нежно провели по щеке мягкой шёлковой кисточкой.

Мне было пять лет, когда дед купил дачу в Репино. Помню, когда мы впервые приехали туда, я был вне себя от детского безграничного счастья. Ещё бы, собственная дача: мне завидовали все пацаны во дворе.

Катю привели знакомиться со мной в первый же вечер. Катин дед дружил с моим ещё с фронта, и именно он добился, чтобы нам за госцену досталась дача по соседству. Он и привёл Катю к нам, как только мы управились со связанными с переездом хлопотами и сели на веранде пить чай. Я прекрасно помню, как Катин дед хлопнул моего по плечу и сказал:

– Твоему хлопцу невесту привёл. Что, разве не красавица девка?

А мой дед, положив руку на мою вихрастую голову, ответил:

– Хороша. Но и наш Ромка, гляди, чем не орёл?

Я тогда не нашёл Катю красавицей и думаю, что также навряд ли показался ей орлом. Я вообще мало внимания обращал на её внешность, да и на свою тоже. Мы вместе гоняли на велосипедах, купались в заливе и на Щучьем озере, уходили с кем-нибудь из взрослых поутру в лес и возвращались с полными лукошками разноцветных сыроежек. В общем, занимались всем тем, что и положено делать на даче ребятне нашего возраста.

3. Разгон

Первый раз я переспал с женщиной, когда учился в десятом классе. Впрочем, слово «переспал» не вполне подходит к тому, что между нами произошло. Моей первой женщиной оказалась разбитная и жалостливая медсестра Люська, работающая в онкологическом отделении больницы Мечникова. Это случилось в то утро, когда зав отделением пригласил меня к себе в кабинет и сказал, что маме осталось несколько дней, максимум неделя. Люська тогда вышла из кабинета вслед за мной и, догнав в конце больничного коридора, взяла за руку. Я даже не помню, плакал в тот момент или нет: голова казалась набитой ватой, и перед глазами расплывались мутные круги. Я, как сказала потом Люська, ничего не соображал от горя.

– Хочешь выпить? – предложила Люська. – Пойдём, у меня есть немного спирта.

Я механически поплёлся за ней. Затем в тесной, заставленной медицинским инвентарём каморке, пил неразбавленный спирт прямо из колбы. А потом ничего не помню, кроме большой и мягкой Люськиной груди да ещё, пожалуй, густого и жёсткого подлеска на её лобке.

Мамы не стало на третий день после этого. На похороны прилетел из Иркутска отец, у которого уже давно была другая семья. Пришли несколько бывших маминых сослуживиц и соседок по дому. Мы отвезли маму на Южное кладбище и оставили её там.

Я хотел бросить школу, но отец не позволил. Он прилично зарабатывал на севере и стал регулярно высылать мне деньги, чего не делал, пока была жива мама.

С Люськой я встречался ещё несколько раз. Она приходила ко мне домой, приносила спирт, готовила нехитрый ужин и оставалась ночевать. Она оказалась опытной и изобретательной по части постельных дел и научила меня многим вещам. Я был благодарен ей и за науку, и за сострадание, хотя она не уставала повторять, что тогда в больнице отдалась не из жалости, а потому, что я ей понравился. Может, это было и так, вот только мне она не нравилась, и секс с ней довольно быстро начал тяготить. Пару месяцев спустя мы расстались.

После Люськи у меня было ещё несколько партнёров. Я даже не могу сказать «любовниц», потому что ни с одной из них не испытал и намёка на любовь. Я был привлекательным парнем, рослым, спортивным, общительным, и отдавал себе в этом отчёт. Так что снять девочку на ночь не представляло для меня проблемы. Некоторые из них после этой ночи исчезали из моей жизни навсегда, другие на короткое время задерживались. И ни одна не задержалась надолго.

Так продолжалось до тех пор, пока я не окончил школу и не поступил в физкультурный имени Лесгафта. Поступить туда для разрядника по лёгкой атлетике, вольной борьбе и боксу оказалось легко, даже несмотря на то, что в последний год я забросил занятия спортом.

В Репино я приехал, собираясь подготовить дачу к продаже: в моём положении она была слишком большой роскошью. Я рассчитывал пробыть там пару дней, чтобы привести всё в порядок и больше не возвращаться. И остался там на всё лето, потому что влюбился. Влюбился в Катю.

Я понял это в первый же день. Утро мы провели вместе, смеясь, болтая и дурачась. Потом она спросила про маму. Я сказал, что мамы больше нет, и Катя вдруг заплакала. Не притворялась, что плачет, не вымучивала стандартные сочувственные слова, а плакала навзрыд, и я обнимал её за плечи и чуть ли не утешал. Затем мы прошли по Финляндской к лесу, искали на опушке редкие июньские фиалки и большей частью молчали или болтали о ерунде. Наконец, вечером Катя ушла к себе в дом, я – к себе, завалился на кровать и собрался заснуть, но не смог. Я маялся, ворочался, вставал и ходил по дому, а перед глазами всё время стояла Катя. Смеющаяся Катя, улыбающаяся Катя, плачущая Катя... Катя, вплета-

ющая фиалки в шелковистые тёмно-русые локоны. Так продолжалось несколько часов, и я не понимал, что со мной происходит до тех пор, пока в голову вдруг не пришла естественная и элементарная мысль. Я даже, помнится, остановился, хлопнул себя ладонью по лбу и вслух обозвал идиотом. Я просто понял, что люблю Катю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.